

Раздел I. Проблемы современной филологии

УДК 801.56

А.В. Бакулев

ТРАНСФОРМАЦИИ КОНСТИТУЕНТОВ ФСП КАУЗАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются трансформационные преобразования, которым возможно подвергнуть конституенты функционально-семантического поля (ФСР) каузальности в современном русском языке. В результате трансформационного анализа, проведенного в свете теории семантических форм мышления, автор приходит к выводу, что на основе единого типового значения каузальности средства выражения причины и следствия – субкатегорий каузальности, формирующие соответствующие субполя, различаются на основе формы выражения мысли, а не объективно существующего содержания, являясь, таким образом, синтаксическими синонимами.

ФСР; субполе; каузальность; причина; следствие; семантические формы мышления; трансформации; синтаксические синонимы.

A.V. Bakulev

CAUSE AND EFFECT FUNCTIONAL AND SEMANTIC FIELD CONSTITUENT TRANSFORMATIONS IN MODERN RUSSIAN

The paper describes the transformations which the cause and effect functional and semantic field (FSF) constituents may undergo in Modern Russian. Having carried out the transformational analysis procedure within the framework of the semantic forms of thought theory the paper writer arrives at the conclusion that the language means representing the cause and effect subcategories that make up the corresponding subfields differ on the basis of thought expression forms but not objectively thus being syntactic synonyms.

FSF; subfield; cause and effect; semantic forms of thought; transformations; syntactic synonyms.

Функционально-семантическое поле (ФСР) является двусторонним единством, которое создаётся инвариантной семантической категорией и разноуровневыми языковыми единицами, эту категорию репрезентирующим [1, 2].

ФСР каузальности в современном русском языке представляет собой образование, объединяющее разноуровневые лингвистические средства на базе общности их функций – выражения причинно-следственных отношений. Поскольку любое поле распадается как минимум на два микрополя, или субполя, постольку и ФСР каузальности состоит из субполя причины и субполя следствия.

При исследовании ФСР каузальности релевантной оказывается категориальная цепь «причина – следствие – каузальность». Полярным категориям «причина» и «следствие», отражающим противоположные стороны причинно-следственных отношений, соответствует выражающая единство данных противоположных сторон категория каузальности.

Как справедливо отмечает Н.Д. Рыбка, наиболее корректными дефинициями причины и следствия следует признать определения Б.С. Украинцева, в которых используется понятие события: «Событие, производящее другое событие, высту-

пает как причина последнего, а произведенное событие как следствие этой причины» [3]. Под событие подводится любое изменение вещей и явлений объективного мира – физическое, химическое, биологическое, психическое, социальное [4]. Такая трактовка анализируемых категорий, на наш взгляд, убедительна, что подтверждает мысль, высказанная Е.Л. Григорьян: «Строго говоря, каузальные отношения связывают не предметы, а ситуации» [5]. В данном случае ситуации вполне возможно описать как события, их возникновения и изменения в процессе каузации.

Категории причины и следствия суть конверсивы: одно и то же содержание отражаемо в аспекте и причины, и следствия, поскольку причинно-следственные отношения характеризуются диалектической обусловленностью и взаимосвязанностью, при которых первое (причина) порождает второе (следствие), в то время как второе является «продуктом» первого. Формальные (гносеологические) различия между конституентами субполей причины и следствия при относительном тождестве содержания рассматриваются в свете теории семантических форм мышления, разработанной П.В. Чесноковым. Согласно этой теории, семантические формы мышления есть формы, являющиеся национальными, обусловленными спецификой грамматического строя того или иного языка. Исключительное многообразие не позволяет дать характеристику каждой семантической форме в отдельности. Однако выделяются 14 параметров, на основании которых мы имеем возможность судить о той или иной семантической форме.

Параметры описания семантических форм мышления едины для всех языков и, следовательно, являются языковыми универсалиями. Различия между конкретными семантическими формами и между определенными языками, которым приписаны те или иные семантические формы, состоят в конкретных характеристиках форм в рамках каждого параметра. В свою очередь, для каждого языкового явления или группировки языковых явлений, к которым правомерно отнести и функционально-семантические образования, существует ряд параметров, релевантных именно для данного феномена или совокупности феноменов.

Для ФСП каузальности релевантны следующие параметры семантических форм мышления:

- ◆ степень расчлененности содержания при отражении действительности;
- ◆ направленность отношений между компонентами мысли;
- ◆ характер охвата отражаемого содержания;
- ◆ распределение совокупного содержания мысли между ее компонентами;
- ◆ собственно отношения между компонентами мысли;
- ◆ порядок следования компонентов мысли;
- ◆ статико-динамическая характеристика мысли;
- ◆ ступенчатая характеристика мысли.

Гносеологическая дифференциация реализуется на синтаксическом уровне через репрезентацию отношений между компонентами мысли, поскольку лексические единицы вне синтаксиса не способны выражать каузальные отношения. Доказать единство объективно существующего содержания – макрокатегории каузальности при формальном её расслоении на причину и следствие – позволяет трансформационный анализ соответствующих конституентов.

В структурах двух субполей путем взаимотрансформаций выявляются корреляционные пары и ряды конституентов. Так, на основе единства типового значения каузальности корреляции могут иметь место между сложносочиненными, сложноподчиненными и сложными бессоюзными предложениями, между сложными предложениями и сложными синтаксическими целыми (ССЦ); между ССЦ, сложными и простыми предложениями (с предложно-падежными каузальными сочетаниями, рядом однородных сказуемых, обособленными причастными и деепри-

частными оборотами). Подобные корреляции фактически позволяют квалифицировать рассматриваемые средства языка как синтаксические синонимы. Сущность же синтаксической синонимии, описанная Ю.Н. Власовой, А.Н. Гвоздевым, М.С. Гордеевой, В.И. Кононенко, А.М. Пешковским, В.П. Сухотиным, Л.Д. Чесноковой и другими учеными, может быть сформулирована как семантическая близость разнообразных синтаксических структур, проявляющаяся в возможной взаимозаменяемости, взаимотрансформации, способности отражать схожие ситуации, компоненты которых характеризуются одним и тем же типом отношений. Мы разделяем точку зрения Ю.Н. Власовой, однако считаем, что тип отношений при трансформации конститuentов может меняться в рамках параметра «Направленность отношений между компонентами мысли».

При трансформации языковых единиц происходят следующие изменения форм отражаемой мысли:

1. Отношение причинной обусловленности \Leftrightarrow отношение проистекания следствия из причины (параметр «собственно отношения между компонентами мысли»; в трансформациях участвуют любые языковые единицы): *Ведь он в немецком плену, в концлагерях сколько натерпелся, в партизанах тоже несладко приходилось, и все эти годы воевал в чужих краях и не сломился, **потому что** тогда он был один, сам по себе, тогда семьи у него не было* (Ч. Айтматов. Плаха) \Rightarrow *Тогда он был один, сам по себе, тогда семьи у него не было, **поэтому** он воевал в чужих краях и не сломился.*

2. Направленность отношения от следствия к причине \Leftrightarrow направленность отношений от причины к следствию (параметр «направленность отношений между компонентами мысли»). Возможны следующие трансформации:

а) именная причинная группа (ИПГ, по М.В. Всеволодовой [11]) – именная следственная группа (ИСГ – по аналогии с термином «ИПГ»): *И думалось ему: как могли люди жить здесь и **не умереть от тоски и безводья** в этих великих пространствах?* (Ч. Айтматов. Плаха) \Rightarrow *И думалось ему: как **тоска и безводье** не довели людей до смерти в этих великих пространствах?*

б) сложноподчиненное предложение со значением причины – сложноподчиненное предложение с синкретичной придаточной частью меры, степени и следствия: *А **так как** гремела музыка, то и они тоже говорили очень громко* (В. Шукшин. Позови меня в даль светлую...) \Rightarrow *Музыка гремела **так, что** они тоже говорили очень громко;*

в) сложноподчиненное предложение со значением причины – сложносочиненное, сложное бессоюзное предложение: *В этом государстве нет общества, **так как** общество основано на свободной близости и свободном антагонизме людей, а в государстве без свободы немыслима свободная близость и вражда* (В. Гроссман. Все течет) \Rightarrow *Общество основано на свободной близости и свободном антагонизме людей, а в государстве без свободы немыслима свободная близость и вражда, **так что (поэтому)** в этом государстве нет общества. \Rightarrow Общество основано на свободной близости и свободном антагонизме людей, а в государстве без свободы немыслима свободная близость и вражда; в этом государстве нет общества.*

Отметим, что взаимотрансформации предложно-падежных сочетаний малоупотребительны в силу номенклатурной ограниченности ИСГ.

3. Подсоединение идеи отношения к идее причины и обогащение компонента причины \Leftrightarrow подсоединение идеи отношения к компоненту следствия и обогащение компонента следствия при идентичной направленности отношений от компонента следствия к компоненту причины (актуализируются параметры «характер охвата отражаемого содержания», «распределение совокупного содержания мысли

между ее компонентами»). В данном случае возможна взаимотрансформация сложноподчиненного предложения со значением причины и сложносочиненного предложения со значением следствия: *Комдив велел под ним огневую точку сделать, и немецкий комдив, вероятно, то же самое решил, **вот и** дрались из-за этого танка как скаженные* (В. Некрасов. В окопах Сталинграда) => *Дрались из-за этого танка как скаженные, **так как (потому что)** комдив велел под ним огневую точку сделать, и немецкий комдив, вероятно, то же самое решил.*

4. Относительно свободный порядок следования компонентов мысли ⇔ фиксированный порядок следования компонентов мысли (параметр «порядок следования компонентов мысли»). Релевантна трансформация «предложение со значением причины – предложение и ССЦ со значением следствия»: *Она не придавала значения антисемитизму, **поскольку** выросла и жила в той среде, где он не допускался* (Ю. Нагибин. Тьма в конце туннеля) => ***Поскольку** она выросла и жила в той среде, где антисемитизм не допускался, она не придавала ему значения => Она выросла и жила в той среде, где антисемитизм не допускался, **так что (поэтому)** она не придавала ему значения => Она выросла и жила в той среде, где антисемитизм не допускался. **Так что (Поэтому)** она не придавала ему значения.*

5. Одноступенчатость мыслительного процесса ⇔ многоступенчатость мыслительного процесса (параметры «статико-динамическая характеристика мысли», «ступенчатость мыслительного процесса»). Реализуема трансформация «сложноподчиненное или сложносочиненное предложение – ССЦ / сложное бессоюзное предложение»: *Висела раньше и карта путей сообщения, но капитан, комендант станции, велел снять ее, **потому что** в комнату сюда входят люди и если среди них затешется враг, то, скосясь, он может сориентироваться, какая дорога куда* (А. Солженицын. Случай на станции Кочетовка) => *В комнату сюда входят люди, и если среди них затешется враг, то, скосясь на карту, висевшую на стене, он может сориентироваться, какая дорога куда. **Поэтому** капитан, комендант станции, велел снять ее.*

6. Цельнооформленность идеи отношения и причины / следствия ⇔ раздельнооформленность идеи отношения и причины / следствия (параметр «степень расчлененности содержания при отражении действительности»); перегруппировка компонентов при трансформации на лексико-синтаксическом уровне и смена направленности отношений: *Он был нездоров, **так что** не пошел на занятия => Его отсутствие на занятии было **следствием** болезни => **Причиной** его отсутствия на занятии была болезнь.*

7. Изменение количества компонентов на низшей ступени мыслительного акта при переходе «многостороннее ССЦ ⇔ одностороннее ССЦ (параметр «ступенчатость мыслительного процесса»): *Почти никто из детдомовцев не интересовался письмами, не ждал их, не спрашивал, пришла ли почта. У них не было родителей, не было никого, кто бы им мог написать* (Р. Рождественский. Почему мы пишем о войне) => *У детдомовцев не было родителей, не было никого, кто бы им мог написать. **Так что** почти никто из детдомовцев не интересовался письмами, не ждал их, не спрашивал, пришла ли почта.*

Некоторые трансформации не представляются возможными в силу особенностей лексического и морфолого-синтаксического наполнения структур. Так, нельзя трансформировать изъяснительно-объектные придаточные части, вводимые союзными словами *почему, отчего, из-за чего, с чего*, поскольку значение причины контаминировано со значением объектности: *Никому тут Вася не мог объяснить, **почему** он жил в плохо отапливаемой нечистой избе старухи с тремя внуками и спал на коротком неудобном ларе* (А. Солженицын. Случай на станции Кочетовка). ***Отчего** билетов не давали, паразиты несочувственные, – не знаю* (А. Солженицын.

Матренин двор). Наречие *почему-то*, входя в предложение, также лишает возможности трансформации такого предложения в языковую единицу, репрезентирующую следствие: *Ледоход начинается почему-то чаще всего по темным ночам, после того как «пойдут овраги» и поля, талая вода, звеня последними льдинками – «черепками», сольется с лугов и полей* (К. Паустовский. Золотая роза).

Невозможность трансформации обусловлена неопределенностью причины, поскольку трудно установить, какое значение – собственно причинное или причинно-аргументирующее – актуализуется в предложении. Дело в том, что причинно-аргументирующее значение не отражает объективную причину, детерминирующую следствие: внешний повод либо косвенное свидетельство происшествия не образуют объективной причинно-следственной связи, подразумевающей обязательное протекание следствия из причины. Субъективный характер причины не в состоянии вызывать именно данное следствие и никакое другое. Однако языковая единица, выражающая причинно-аргументирующее значение, может быть преобразована в конститuent, репрезентирующий идею субъективного заключения: *Служба у Семена была сравнительно легкая, потому что Вильгельм Карлович исчезал с утра, а приходил к ночи и, облачившись в халат, садился за стол – смотреть на звезды и писать стишки* (Ю. Тынянов. Кюхля) => *Вильгельм Карлович исчезал с утра, а приходил к ночи и, облачившись в халат, садился за стол – смотреть на звезды и писать стишки; значит, служба у Семена была сравнительно легкая.*

Сложные бессоюзные предложения, в частях которых не наблюдается единства действующего лица, на уровне простого предложения можно трансформировать только в предложения с предложно-падежным сочетанием: *На перекрестке тачанка вдруг остановилась: соскочило колесо* (Б. Горбатов. Мое поколение) => *На перекрестке тачанка вдруг остановилась из-за соскочившего колеса.*

Приведённые трансформации доказывают, что конститuentы субполей причины и следствия, репрезентируя отношения каузальности, различаются не объективно существующим содержанием, а формально – на основе семантических форм мышления. Таким образом, учитывая указанные выше ограничения, рассмотренные языковые средства целесообразно трактовать как синтаксические синонимы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии [Текст] / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – С. 40.
2. *Бондарко А.В.* Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени [Текст] / А.В. Бондарко. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. – С. 17.
3. *Украинцев Б.С.* Самоуправляемые системы и причинность [Текст] / Б.С. Украинцев. – М.: Мысль, 1972. – С. 18.
4. *Рыбка Н.Д.* Выражение значения следствия в простом предложении в современном русском литературном языке [Текст] / Н.Д. Рыбка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – С. 4.
5. *Григорьян Е.Л.* Каузальные значения и синтаксические структуры [Текст] / Е.Л. Григорьян // Вопросы языкознания. – 2009. – № 1. – С. 23-34.

Бакулев Алексей Валентинович

Технологический институт федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

E-mail: al1280@yandex.ru.

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.

Тел.: 88634371496.

Bakulev Alexey Valentinovich

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: al1280@yandex.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +78634371496.

УДК 81'44

Л.В. Буренко

НАИБОЛЕЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КЕТСКОГО СКЛОНЕНИЯ

Предпринимается попытка анализа одной из важнейших проблем системы склонения кетского языка – проблема статуса неопределенного и родительного падежей, которые рассматриваются автором статьи как два ключевых падежа кетской падежной системы. Кетский язык является единственным живым представителем некогда многочисленных енисейских языков. Он сильно отличается от окружающих его языков. Именно поэтому так важно изучить его типологически необычную грамматическую структуру.

Типология; енисейские языки; кетский язык; грамматическая структура; категория падежа; основной (неопределенный) падеж; родительный падеж; план содержания; план выражения.

L.V. Burenko

THE MOST DISPUTABLE ISSUES OF KET DECLINATION SYSTEM

The article tries to analyse a significant problem of Ket declination system – the problem of the existence and the status of Casus indefinitus and Genitive which are considered by the author to be two principal cases of Ket declination system. Ket language is the only living representative of Jenisseian languages and it differs greatly from other languages. This fact makes the study of its grammatical system highly important.

Typology; Jenisseian languages; Ket language; grammatical structure; category of case; Casus indefinites; Genitive; plane of content; plane of expression.

Кетский язык является единственным живым представителем некогда многочисленных енисейских языков. На нем говорят кеты, проживающие в поселках Туруханского района Красноярского края. Среди окружающих его алтайских, финно-угорских, самодийских и др. языков, этот язык выделяется своей изолированностью, не обнаруживая сколько-нибудь достоверных связей ни структурного, ни генеалогического характера с другими языками и привлекает внимание лингвистов своей типологически необычной грамматической структурой. В частности, ученые отмечают наличие агглютинации, совмещенной с внутренней флексией; деление существительных на классы; остатки активного строя при современном номинативно-аккузативном характере языка и некоторые другие.

Категория падежа принадлежит к числу наиболее спорных проблем грамматики. Фундаментальные разногласия в понимании этой категории обусловлены, прежде всего, тем подходом – семантическим или морфологическим, – который применяет исследователь при её описании. Хотя грамматическая категория представляет собой единство формы и содержания, анализ любой категории приходится начинать с одного из этих двух аспектов. Необходимость такого выбора связана, как известно, с взаимным несоответствием единиц плана выражения и плана содержания. В случае с кетским языком причиной разногласий становится ещё и неоднозначность языкового материала.